

ВОЙНЫ И СУДЬБЫ

Александр
ТАМОННИКОВ

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Восставшие



Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Тени прошлого. Восставшие / Александр
Тамоников. — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с.
ISBN 978-5-699-98784-9

Уже трудно поверить, кем они на самом деле когда-то были. Сейчас Павар и Файдар — уважаемые в афганском кишлаке люди. У каждого — семья, дети, небольшой, налаженный с годами бизнес. Но беда, как обычно, приходит внезапно. Пышную свадьбу дочери Файдара по страшному стечению обстоятельств разбомбили американские летчики. Погибли жена и дочь. Охваченный горем отец в отчаянии спешит за поддержкой к Павару. И тогда друзья понимают: они уже не Павар и Файдар. Они — Борис Павлов и Владимир Фролов, советские офицеры, когда-то давно попавшие в плен к душманам. И вот пришло время доказать, что они вовсе не пленники, а мстители...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-699-98784-9 ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

Афганистан, военная база дислокации отдельного десантно-штурмового полка (ДШП), вертолетной эскадрильи, подразделения охранения, Шерган, в семнадцати километрах от Кабула. Воскресенье, 21 июня 1987 года.

На войне не бывает ни выходных, ни праздничных дней, ни рабочих. Одни сплошные будни. Но воскресенье — это воскресенье. И подразделения, находившиеся на базе, проводили время по расписанию выходного дня.

Командир разведывательного взвода ближе к обеду покинул батальонный офицерский модуль. Выйдя на улицу, он словно в пекло попал. В модуле, где работали кондиционеры, температура была двадцать четыре градуса, по крайней мере в отсеке она являлась именно таковой. На улице же термометр, прикрепленный к косяку входной двери, показывал тридцать четыре градуса. И это в тени. Как говорится, почувствуйте разницу. Старший лейтенант Борис Павлов эту разницу почувствовал, снял куртку «афганку», оставшись в майке-тельняшке. На голове панамы, основное средство от солнца и вентиляция неплохая. Это кто-то хорошо придумал — панаму.

На смятые, опущенные поля старший лейтенант не обращал внимания. Это в Союзе, в войсках южных округов, в Туркестанском в частности, молодые офицеры-щеголи отглаживали поля, вставляли по краю проволоку, протаскивали пуговицы тренчика вниз, оставляя последний на месте, пробивали «лохматку» на верхней части, и получалась натуральная ковбойская шляпа. В Афганистане же этой ерундой не занимались. Закрывает от солнца, и ладно.

Водрузив на нос дужку солнцезащитных очков, Павлов осмотрелся. Поблизости никого, только в курилке, в тени установленного с трех сторон брезента, солдат — дневальный по модулю, читал письмо. Наверное, от девушки, а может, и от родителей или друзей. Хотя нет, от девушки, уж слишком радостной была у него потемневшая от загара физиономия.

Павлов взглянул на часы. 11.55. Как раз солнце в зените. Но надо идти. Сбоку от офицерской столовой он остановился. Прижался к стене, стараясь скрыться от солнца за метровым козырьком крыши. На часах 12.00, 12.05, 12.10.

— Ну блин, как всегда, — проговорил старший лейтенант. — Неужели так трудно приходиться вовремя?

На аллее показалась миниатюрная женщина в шортах, майке, что подчеркивало ее точеную фигуру и особенно грудь третьего размера, которая колыхалась в движении. Женщина была без бюстгалтера.

Павлов сглотнул слюну.

Женщина подошла, поцеловала его в щеку.

— Привет, Боря!

— Привет, Лен! Это у вас что? Действительно традиция опаздывать на встречу?

— А ты не знал, что женщина имеет право задерживаться на пятнадцать минут?

— На то, чтобы парить дружка в этом пекле?

— Извини, Боря, опоздала не по своей вине. Вернее, не опоздала, — женщина улыбнулась, — задержалась.

— Ну, конечно, вы же задерживаетесь, как начальство.

— погоди, я сразу не обратила внимания, ты как назвал себя?

— В смысле? — Павлов поднял глаза на женщину.

— В том, что назвал себя моим дружком?

Старший лейтенант сообразил и тут же включил непонятку:

— А разве я так назвал?

— Именно, Боречка. Пятнадцать минут на то, чтобы парить своего дружка в этом пекле.

— Не может быть. Тебе послышалось.

— У меня хороший слух.

— Ну это ни о чем не говорит. Конечно, ты моя невеста, дорогая.

— Вот так лучше.

— А кто тебя задержал?

— Начпрод.

— А ему какое дело до тебя?

Женщина кокетливо улыбнулась и повела плечами:

— Не подумай ничего такого. А ответ прост: тебе ли не знать, что начпрод наш начальник.

Павлов задвинул панаму на затылок:

— Черт, об этом я не подумал.

Женщина, пришедшая к офицеру, — вольнонаемная Осипова Елена, двадцати лет, являлась официанткой офицерской столовой полка.

— Но это такая ерунда. По идее, столовая в подчинении зампотыла.

— Ага! Будет тебе майор заниматься столовой, когда на это есть капитан — начпрод и прапорщики.

— И что он хотел, этот боров?

— Почему боров? Капитан — упитанный мужчина, но еще внешне ничего.

— Я спросил, что он хотел от тебя.

— Я сегодня свободна, а начпрод решил, видно, отдохнуть с Олей Лейко, просил меня заменить ее.

— Ты, конечно, отказалась.

— Да, но не из-за вредности, хотя характер у меня, признаться, довольно противный.

— Я знаю!

— Что?

— У тебя противный характер, дорогая, с небольшими заскоками, как у любой женщины, выражающийся иногда в капризах.

— Ловко. У тебя большой опыт общения с женщинами?

— Откуда? В училище было не до них. Ну почти не до них. По окончании — и отпуска, Ташкент и Афган, и здесь... только ты. Откуда опыту взяться? Если только от тебя.

— Так я тебе и поверила, что в училище у тебя не было девушек.

— Девушки были, а женщин нет. Разница большая.

— Ладно. Я отказалась, потому что дело касалось Ольги Лейко, а не других девочек.

Павлов присвистнул:

— Девочек?

— Не хами!

— А чем тебе Ольга не угодила?

— Сука она и знает, что и у меня личные дела, ан нет, тихо в сторонку, мол, меня не касается, это начпрод.

— Так на чем договорились?

— Послала я их обоих к черту. Хотят развлекаться, пусть после дежурства и развлекаются.

— А начпрод что?

— Орать начал, как скажу, мол, так и будет.

— А ты?

— Ну чего допрос устроил, ушла я из модуля.

— Результат?

— Лариска Соткина согласилась поменяться.

— Значит, мы сегодня вечером встретимся?

Елена вздохнула:

— Вопрос: где?

— Ну за это, дорогая, не волнуйся. Начальник бронетанковой службы вчера улетел в Союз, а у него отдельный отсек.

— И что?

— А то, что мы с майором вместе еще в Ташкенте кружили, когда ждали отправки сюда. Начальник БТС — оторва еще тот. Любитель, как говорится, костра и солнца. Каждый день новых девочек снимал в кабаке. А оплачивал я. Мы с ним в гостинице в одном номере жили, вместе в кабак шастали.

Осипова, сощутив глаза, посмотрела на Павлова:

— И ты, конечно, тоже каждый вечер снимал себе девочек, как и начальник бронетанковой службы?

— Ну что ты, я расплачивался и в номер.

— Врешь.

Павлов взял официантку под руку:

— Слушай, Лена, ну к чему эти разборки? Что делал я в Ташкенте, что делала ты до моего знакомства?

Разве это важно? По-моему, важно другое, то, что ключи от отсека майора Глазова у меня.

— Вот как? Ключи от отдельного отсека?

— Да. И мы так сегодня порадуем друг друга!

— Ты открыто проводишь меня в модуль офицеров штаба?

— Люди на фильм пойдут, а мы потихоньку в модуль. Я зайду через вход, открою отсек, окно — и все дела.

— А я, значит, через окно?

— Предложи что-нибудь другое.

— Но меня могут увидеть.

— Лен? Ну кого здесь этим удивишь?

— Разговорчики ненужные пойдут.

Павлов рассмеялся:

— А ты такая наивная и не догадываешься о том, что эти разговоры давно по гарнизону гуляют. Как и те, что в красках описывают твой бурный роман с начальником химслужбы.

— Никакого романа не было, так, просто интрижка.

— Ну конечно. Скажи еще: платоническая любовь, и вы в его отсеке ночами книги Достоевского вслух читали.

— Я тебя ударю.

— Не получится. Так как решим?

Осипова опять вздохнула:

— Ладно, что любовь не делает. Когда и где встречаемся?

— В 20.50 у клуба. А потом к модулю офицеров штаба.

— В 20.50, — проговорила женщина, — хорошо. Но не у самого входа.

— Я буду рядом с курилкой. Увидимся, пойду за клуб, ты следом.

— Хорошо. Все, я пошла.

— Ты бы бюстгальтер, что ли, надела, а то груди случайно вывалятся.

— В бюстгальтере жарко.

— Может, у тебя и трусиков нет?

Старший лейтенант попытался залезть под юбку, но получил удар по щеке.

— Может, и нет. Но не сейчас проверять. Будет время, все увидишь.

— Ты моя любимая!

— И не надейся от меня избавиться. Ты мой, и мы будем вместе.

— Конечно, кто же против?

— Надеюсь, ты не забыл о своем обещании?

— Прости, о каком?

Осипова посмотрела на старшего лейтенанта.

— Насчет 28-го числа?

— А?! Твоего дня рождения? Не забыл, отметим в лучшем виде.

— Я не о том. Ты обещал что сделать в этот день?

— Предложить тебе руку и сердце.

— Правильно.

— Так сделаю, какие проблемы? Но здесь расписываться не будем, тем более свадьбу устраивать. Ты заменяешься в августе, я — в сентябре. Ты поедешь к себе на Украину, я, получив отпуск и новое назначение, приеду к тебе. Вот тогда и зарегистрируемся, и свадьбу закажем, благо денег на это у нас куча. Весь твой райцентр гудеть будет.

— А не обманешь?

— Так я же предложение сделаю, а ты согласишься.

— И ко всему этому слово офицера, что все будет так, как должно быть.

— Конечно.

— Хотя... вполне могли расписаться и здесь. А дома сыграть свадьбу.

— Не по-людски это. Я должен с твоими родителями познакомиться, просить у них твоей руки. Чтобы все, как положено. Брак — это дело серьезное.

— Ох и хитрый ты, Павлов.

— Не веришь?

— Не знаю. Хочу верить.

— Верь, Лена, без веры человек мертв.

— Типун тебе на язык, кто здесь о смерти говорит? Она и без разговоров стольких ребят унесла.

— Да. Но все, разбегаемся. Иди!

— До вечера, Боренька.

— До вечера, дорогая.

Павлов проводил взглядом фигуру подруги, усмехнулся:

— Хороша, бестия, слов нет, но жениться... Нет уж, дорогая, как-нибудь без этого. Иначе потом рогами провода рвать будешь. Такие девочки для семейной жизни не пригодны. А жаль, ведь все при ней. Но сущность не изменить.

Старший лейтенант был холост, в Тамбове в уютной двухкомнатной квартире жила его мать — учительница биологии в школе, которую и он в свое время окончил.

Он, выкурив сигарету, пошел к батальонному модулю.

В это время в таком же офицерском модуле, но эскадрильи, в одном из отсеков находились трое. Экипаж вертолета «Ми-8» под номером 33. Командир, капитан Фролов Владимир, штурман старший

лейтенант Илья Истомин и борттехник прапорщик Юра Бобров лежали на кроватях, под кондиционером.

Борттехник проговорил:

— Мужики, на обед скоро.

— К черту этот обед, — ответил Истомин.

— Это понятно, перекусить и здесь можно, но так ведь положено.

— Положено, — протянул Истомин. — А не пойдем, что будет? От полетов отстранят? Так завтра ничего не намечается, иначе уже сегодня объявили бы. И потом, если надо срочно поднять «вертушки», командир будет смотреть на запреты? Так бы и косили от войны. Пропустили обед или ужин — отстранение, чуть поднялась температура — отстранение. Кто бы задачи решал?

Фролов прекратил перепалку:

— А ну, отставить базары. Обед по распорядку.

Техник мимикой передразнил штурмана, тот показал ему кулак.

Сам же командир экипажа читал письмо, доставленное еще вчера. Капитан Фролов Владимир Евгеньевич родился в 1961 году в Москве, отца он не помнил, жил с матерью. После школы, неожиданно для всех, ведь учился на «отлично» и мог бы поступить в любой московский вуз, Владимир уехал в Сызрань, где стал курсантом авиационного училища летчиков. В 1982 году, закончив училище, служил три года в Группе советских войск в Германии (тогда была и такая, как и ГДР, как и Варшавский договор, как и войска, расположенные в Восточной Германии, Польской Народной Республике, Венгрии, Чехословацкой Социалистической Республике). Отслужил, как холостяк, три года. В конце второго